

ТВ Парк - 1996 - 17 марта
с.8-9

-К

аким был Миша Козаков в детстве?

— Тихим мальчиком. Помню, мои братья меня гримировали под Штрауса из «Большого вальса». Я был тогда курнос, довольно кудряв и страшно гордился своим сходством с великим композитором. Но готовил-то я себя к карьере балеруна. Плясал в студии и у станка часами стоял. Потом мне надоело ногами дрыгать, и я ушел оттуда. Мне захотелось играть. Так со Школы-студии МХАТ все поехало и закрутилось. Чем я только за сорок лет ни занимался! Даже на иврите сыграл Тригорина!

— Как вам удалось с ивритом справиться?

— Ой, сколько трудов! Ведь начал его учить в 56 лет, не мальчиком. А теперь даже имею наглость преподавать на иврите в Театральном институте.

— А с Мишей-маленьким на каком языке дома говорите?

— Он одинаково хорошо знает и русский, и иврит. Но дома мы говорим только по-русски.

— Ваше последнее прекрасное произведение...

— ...моя дочь Зойка. Она названа в честь моей мамы, а Мишка — в честь папы. Зойке сейчас всего полгода исполнилось, и я очень по ней скучаю.

— Ваша жена Аня так плакала на вокзале, уезжая в Израиль. Она там по-прежнему рыдает?

— Она быстрее меня привыкла. Вы поймите, с нею пенсионеры-родители, двое маленьких детей. Мы, конечно, небогато живем, на очень среднеинтеллигентском уровне. Но быт устроен. Все рядом — детский сад, Мишкина школа. Можно спокойно отпустить ребенка во двор одного и не бояться, что ему там голову отвинтят. И мне в этом смысле легче, но только именно в этом. А в остальном очень не хватает России, Москвы, моих товарищей.

— А зрителей?

— Наша московская публика особая. Она чуткая и очень доброжелательная. В Израиле, казалось бы, много русскоязычного населения — 700 тысяч, но они, во-первых, рассыпаны по стране, а во-вторых, не все же любят театр. У меня там есть своя русская антреприза с Аней. Мы ставим спектакли на русском языке. Вот в Москву привезли «Возможную встречу» Пауля Бартса, где Валентин Никулин играет Баха, а я — Генделя. В Москве этот спектакль можно было бы играть годами, а там сыграли 45 раз — и привет.

— Вы уже определили для себя, что такое ностальгия?

-С

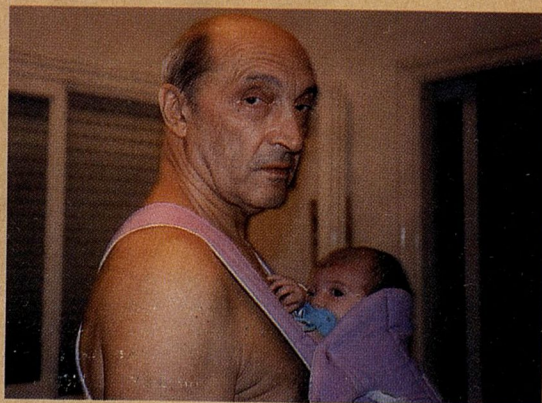
амое главное — это язык. Очень хочется все понимать вокруг, не мучиться. А потом — театр, атмосфера, друзья. Хочется с утра просто потреться по телефону, разговаривать со случайным вагонным спутником. Поэтому, когда я в Москве репетирую с русскими актерами, это такой кайф! Ни море, ни солнце, ни даже покой детей, хоть и стыдно в этом признаться, этого кайфа заменить не могут.

— Вы снимаете в Тель-Авиве квартиру?

— Нет, мы купили небольшую, всего 50 квадратных метров, квартиру. По-нашему, это как бы кооперативная. Недалеко от моря, тихая улица, балкончик.

— Чувствуете себя местной знаменитостью?

— Той популярности, которая была здесь, нет, конечно. Русские узнают на улице иногда. Израильяне подходят: «Этот ты играл в «Чайке»?» Но я не от отсутствия особой популярности страдаю. В Израиле можно сделать хороший спектакль.

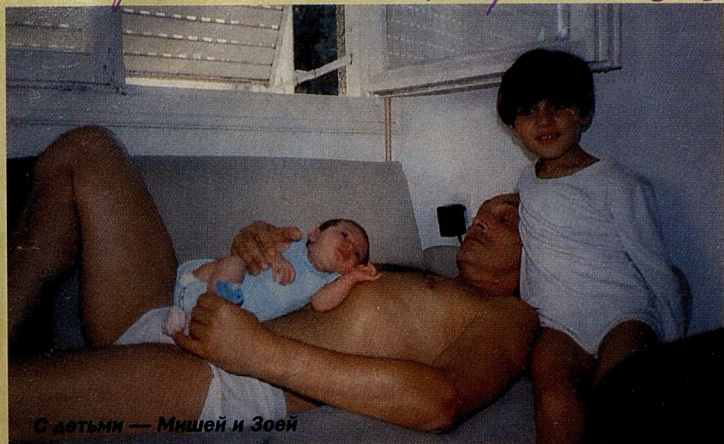
МИХАИЛ КОЗАКОВ

«Как-то, помню, очень-очень давно в Киеве ко мне подошли две довольно наглые дамы, и одна пальчиком в меня тычет: «О, я хочу вот этого с «Убийства на улице Данте»».

с.8-9

ТВ Парк — 1996 — 17 марта — С8-9

С детьми — Мишей и Зоей

так, может быть, даже успех, но все равно мы живем там на ощупь. Как я бы пошутил из пьесы Славина: «Жить будете, петь — никогда».

— **Когда вы уезжали, Мережко в своей передаче осудил вас...**

— Он сам не сказал ничего, но, сняв со мной сюжет, отнес его на экспертизу этому шоумену Познеру: «Что, мол, скажете про Козакова?» А тот, сидя в красных деревьях, откомментировал: «Здесь не нужна его поэзия, а там-то кому она будет нужна?» Сказал бы, что Козаков хочет подзаработать, я бы его понял. А я смотрю по телевизору это дело и говорю сам себе: «Сам дурак, не надо было подставляться под эту камеру». Мережко меня подловил в тяжелый момент: я очень устал, телефон молчал, деньги мне на новый

фильм не светили, прилавки тогда были пустые.

— **Некоторые актеры жалуются на вас: диктатор, не дает импровизировать...**

— Я снимаю фильм сначала в голове. Я люблю импровизацию, но только в рамках рисунка роли. Решений ведь можно предложить миллион. А я как режиссер обязан отвечать за результат. Кому-то это, может быть, и не понравится. А вот Светлана Крючкова радуется всегда: «Я обожаю с Мишкой работать. Приезжаешь к нему — уже все готово, он и объяснит, и расскажет, осталось только сделать хорошо». Может, я и диктатор, но очень нежный. Я очень люблю актеров.

— **Вы влюблялись когда-нибудь в актрису, которую снимали?**

-Д а, не знаю, удобно ли это говорить... Влюбился в актрису, когда мы снимали «Безымянную звезду». Это Настя Вертинская. Интересно, что эту роль я вначале предложил Марине Нееловой, которую вообще обожаю. Но она почему-то не поняла пьесы и отказалась. Зато когда стала сниматься Настя, я был очень доволен ее работой и даже, повторяю, в нее влюбился.

— **И что было дальше?**

— Ну, об этом нескромно говорить.

— **Как вы, Михаил Михайлович, относитесь к анекдотам?**

— Очень спокойно. У Бугакова есть такая фраза: «Анекдот — это застывший смех». Со мной в жизни тоже приключались анекдоты. Я, как и все актеры, всю жизнь зарабатывал, объезжая Россию с концертами. Я стал на этих встречах читать стихи. На афишах писалось: «Поэзия. Ахматова. Пастернак. Тютчев». И вот я приезжаю в Красноярск. Огромный город, много технической интеллигенции, аншлаг обеспечен. Вдруг неожиданно — треть зала. «Ну, Михаил, — думаю про себя, — твоя популярность падает». Дальше у меня по маршруту шел Камск, маленький городишко. Даю два концерта — дикие аншлаги, люди висят на люстрах. Я с подъемом читаю стихи. После концерта мы с начальником кинопроката сидим попиваем водочку. «Скажите, чем объяснить, что в большом городе ползала, а в маленьком — полный?» —

«Вы не обидитесь?» — «Нет». — «В Камске я заклеил, что вы стихи читаете».

— **А в Израиле полные залы на вечерах поэзии?**

— Иосиф Бродский как-то «подсчитал» — настоящих любителей поэзии в мире всего один процент. А там, сами понимаете: сидят два жиды в три ряда. Я не антисемит, как вы догадываетесь, это шутка такая.

— **У вас появилось там новое любимое блюдо?**

— Я не гурман, и всю жизнь ел очень простую пищу. Моя третья жена Регина (она теперь живет в Америке) гениально готовила. Мои друзья обожали ее стряпню. А про меня она всегда шутила: «Мишке надо только кусок колбасы, хвост селедки и рюмку водки». Я люблю грузинскую кухню, это, по-моему, лучшая кухня в мире: шашлыки, сациви, лобио. В Израиле я нашел грузинский ресторанчик, куда приглашаю друзей.

— **А правда, что у вашего сына Кирилла грузинские корни?**

— У него безумная смесь. У меня отец — еврей, мать — обрусевшая грек-чанка-сербиянка. А у Кирилла еще и мама — моя первая жена — со шведскими, эстонскими и латышскими кровями.

— **Она была актрисой?**

— Нет, она очень хороший художник по костюмам на телевидении. Мы были знакомы еще со школы и прожили вместе десять лет. Потом у меня была грузинская жена — Медея. Но недолго музыка играла! В Тбилиси живет моя дочь Манана, у которой есть дочь — Тина, по-моему.

— **Вы что, не помните, как вашу внучку зовут?**

— Мне не сообщили об этом факте. Сейчас я женат четвертый раз, всего у меня пятеро детей.

— **А почему в Москве у друзей живете, а не у детей?**

— Во-первых, у Кирилла одноквартирная квартира, у дочки Кати — двое детей. Я предпочитаю никого не обременять. А во-вторых...

— **Вас, наверное, до сих пор поклонники донимают?**

— Они были в молодости, когда был красавчиком. Молодой человек старик выглядит глупо. Все мое время. Как-то,

помню, очень давно в Киеве ко мне подошли две довольно наглые дамы, и одна пальчиком в меня тычет: «О, я хочу вот этого с «Убийства на улице Данте»».

— **Вы порадуете нас еще какой-нибудь телепремьерой?**

— У меня давно есть два сценария. И актеры согласны у меня сниматься классные — Андрейченко и Юрский. Беда одна — денег нет. А спонсоров искать не умею. Это особый талант — искать «спонсоры»! И как тут не пожалеешь, что я не пою, как Киркоров!

Ирина Зайчик